

будь 150 лѣтъ, но онъ одно время былъ важнымъ культурнымъ центромъ. При дворѣ его владѣтелей оказывалось покровительство литературѣ, наукѣ и искусству; въ Пергамѣ работали замѣчательные художники; онъ славился своею медицинскою школою; въ немъ основана была знаменитая библіотека, въ которой хранилось до 200000 свитковъ и которая уступала одной только Александрійской библіотекѣ; въ Пергамѣ же впервые сталъ употребляться новый писчій матеріалъ, въ замѣнъ папируса,—пергаментъ.

Расцвѣтъ Пергама и его культуры относится ко второй половинѣ III и къ первой половинѣ II в. до Р. Хр., ко времени Аттала I, котораго Моммзенъ называетъ Лаврентіемъ Великолѣпнымъ древности и побѣды котораго надъ галлами или галатами послужили одной изъ любимыхъ темъ для тогдашней скульптуры, и его преемника Евмена II. Въ 129 г. Пергамъ превращенъ въ римскую провинцію, а со временъ византійскаго господства начинается полный упадокъ его. Памятники его подверглись разрушенію; великолѣпные мраморы, статуи и горельефы пошли на устройство крѣпостной стѣны, что впрочемъ для нихъ было спасеніемъ: замуравленные въ этой стѣнѣ, подъ толстымъ слоемъ извести, они лучше сохранились отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Какъ открытіе троянскихъ и микенскихъ древностей неразрывно связано съ именемъ Шлимана, такъ открытіе пергамскихъ древностей связано съ именемъ Карла Гумана.

Въ 1864 г. Гуманъ, въ то время еще молодой инженеръ (онъ родился въ 1839 г.), по порученію Фуада-паши строя мосты и проводя дороги въ М. Азіи, посѣтилъ Пергамъ. Со скорбью видѣлъ онъ, какъ гибнуть сокровища древности: Пергамскій акрополь превращенъ былъ въ каменоломню; его памятники шли на постройки и на обжиганіе извести, не говоря уже о мелкихъ расхищеніяхъ. Гуманъ прежде всего употребилъ всѣ усилія, чтобы положить конецъ дальнѣйшему разрушенію. Онъ убѣдилъ знакомаго ему грека, врача Ралли, тоже любителя древностей, отправить пріобрѣтенный имъ мраморный горельефъ, изображавшій льва нападающаго на человѣка, въ Константинополь ¹⁾. Тамъ на этотъ горельефъ обратилъ вниманіе великій визирь и турецкое правительство запретило расхищать пергамскія древности и употреблять ихъ на постройки.

Гуманъ.

¹⁾ Этотъ горельефъ былъ пожертвованъ греческому „силлогу“ и впоследствии переданъ въ Берлинскій музей.

Въ 1866 г. Гуманъ снова посѣтилъ Бергаму, а въ 1868 г. поселился въ ней, занятый, по порученію турецкаго правительства, проведеніемъ дороги изъ Константинополя въ Смирну. Время отъ времени ему удавалось открывать древніе горельефы; но онъ мечталъ о раскопкахъ въ широкихъ размѣрахъ, объ открытіи древняго Пергама со всѣми уцѣлѣвшими его памятниками.

Въ 1871 г. Бергаму посѣтили Э. Курціусъ и Адлеръ. Гуманъ обратилъ ихъ вниманіе на византійскую стѣну, въ которую вдѣланы были античныя скульптуры, и въ доказательство того, какъ ихъ много и какъ легко открыть, тутъ же на глазахъ извлечено было два прекрасныхъ горельефа, которые и были отправлены въ Берлинъ. Не смотря на сочувствіе Курціуса, настоянія и старанія Гумана, убѣждавшаго прусское правительство предпринять раскопки въ Пергамѣ, долго оставались безъ результата: вниманіе и средства въ то время отвлечены были раскопками въ Олимпіи. Только въ 1878 г. эти старанія наконецъ увѣнчались успѣхомъ, благодаря поддержкѣ извѣстнаго археолога Конце, недавно передъ тѣмъ назначеннаго директоромъ Берлинскаго музея, и тому интересу, который обнаружилъ и къ этому дѣлу кронпринцъ (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III). Конце первый пришелъ къ заключенію, что найденные горельефы принадлежатъ къ изображенію „гигантомахіи“, борьбы боговъ съ гигантами, на колоссальномъ жертвенникѣ или алтарѣ, о которомъ упоминаетъ одинъ изъ позднѣйшихъ писателей древности (нѣкій Ампелій) въ числѣ чудесъ свѣта. По побужденію Конце прусское правительство рѣшило дать средства на пергамскія раскопки, которыми долженъ былъ руководить Гуманъ, и выхлопотало необходимое разрѣшеніе турецкаго султана.

Въ сентябрѣ 1878 г. Гуманъ съ увлеченіемъ и энергіей приступилъ къ раскопкамъ, которыя сопровождались блестящимъ успѣхомъ. Вскорѣ ему удалось открыть то мѣсто, гдѣ находился алтарь, о которомъ мы выше упоминали, его фундаментъ и большее число плитъ съ изображеніемъ сценъ изъ гигантомахіи. Уже въ началѣ раскопокъ Гуманъ сообщалъ въ Берлинъ: „Мы открыли цѣлую художественную эпоху, въ нашихъ рукахъ величайшее изъ уцѣлѣвшихъ отъ древности произведеній искусства“. Съ какимъ увлеченіемъ Гуманъ относился къ раскопкамъ, лучше всего показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Гуманъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ находки тѣхъ плитъ, на которыхъ должно было находиться изображеніе Зевса,

какъ главной фигуры въ борьбѣ съ гигантами. И вотъ однажды—это было въ іюлѣ 1879 г.—онъ отправился на акрополь осматривать отрытыя, но еще не очищенныя плиты, лежавшія на мусорѣ; очистили первыя 4 плиты и оказалось, что на нихъ изображенъ богъ и три гиганта. Гуманъ догадался, что это и есть изображеніе Зевса. „Я чувствую твое приближеніе, Зевсъ“, воскликнулъ онъ. И дѣйствительно, плиты подходили одна къ другой и изображали главную сцену горельефа—Зевса, поражающаго трехъ гигантовъ. Для полной увѣренности въ этомъ недоставало лишь изображенія обычныхъ атрибутовъ царя боговъ; но когда перевернули еще одну плиту, то Гуманъ, полный нетерпѣнія и ожиданія, нѣсколькими ногтями отцарапалъ цѣлые слои извести, покрывавшіе плиту, и видитъ эгиду. „Глубоко потрясенный“, рассказываетъ онъ въ своемъ дневникѣ ¹⁾, „я приникъ къ Зевсу и залился обильными слезами радости“ ²⁾. Мы поймемъ увлеченіе Гумана, если вспомнимъ, какъ восторженно описывалъ эти горельефы И. С. Тургеневъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ о пергамскихъ раскопкахъ; онъ видѣлъ ихъ въ 1880 г. въ Берлинскомъ музеѣ, гдѣ они были тогда разложены на полу: „Выходя изъ музеума“, говоритъ Тургеневъ въ концѣ письма, „я подумалъ: «Какъ я счастливъ, что я не умеръ, не доживъ до послѣднихъ впечатлѣній, что я видѣлъ все это!...»“

Въ помощь Гуману прусскимъ министерствомъ командированъ былъ архитекторъ Bohn для реконструкціи алтаря; вскорѣ мѣсто раскопокъ посѣтилъ и Конце. Между тѣмъ истекъ срокъ договора съ Турціей и пришлось хлопотать о новомъ разрѣшеніи. Такимъ образомъ за первую кампанію (1878—9) послѣдовала вторая (1880—1), а за нею и третья (1883—6). Въ общемъ, кромѣ упомянутыхъ горельефовъ гигантомахіи и мелкихъ находокъ, открыты были надписи, статуи, остатки храмовъ, дворца, театра и проч. Раскопки и изслѣдованія на мѣстѣ древняго Пергама продолжались и впослѣдствіи, въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ (Шухгардтомъ, Фабриціусомъ, Конце, Бономъ) ³⁾, и еще въ 1898 г. Конце въ своей рѣчи „Pro Pergamo“ призывалъ

¹⁾ Дневникъ Гумана помѣщенъ въ „Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon“ (Jahrbuch d. Kön. Preuss. Kunstsammlungen. I. 1880).

²⁾ Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и поздн. эпохи греч. скульптуры, стр. 66—67.

³⁾ Подробный отчетъ—въ Mittheilungen, XXIV, 1899.

къ продолженію работъ, которыя должны дать дальнѣйшіе результаты.

Въ силу договора и турецкихъ законовъ изъ пергамскихъ древностей Пруссіи должна была достаться лишь $\frac{1}{3}$, а $\frac{2}{3}$ —Турціи¹⁾; но потомъ и эти двѣ трети были уступлены Пруссіи частью въ даръ, частью за денежное вознагражденіе. Такимъ образомъ всѣ найденныя пергамскія скульптуры перешли въ Берлинъ. Доставка ихъ изъ Пергама къ морскому берегу и затѣмъ на суда сопряжена была съ большими трудностями; но Гуманъ преодолѣлъ все. Большая часть древностей изъ Смирны была отправляема на пароходѣ въ Триестъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Здѣсь цѣлая коммиссія археологовъ, съ помощью итальянскихъ мастеровъ, работала надъ приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Къ счастью, плиты снабжены были буквами или знаками, такъ-что для каждой изъ нихъ можно было опредѣлить мѣсто и надлежащимъ образомъ сопоставить ихъ. Для пергамскихъ древностей въ настоящее время устроенъ особый музей, недавно открытый;²⁾ въ немъ горельефы расположены такъ, какъ онѣ были нѣкогда въ дѣйствительности. Издаются и монументальныя „Пергамскія древности“ (Alterthümer von Pergamon)—результаты раскопокъ³⁾.

Успѣхамъ эпиграфики и археологіи много способствовали тѣ иностранныя учрежденія — школы или институты —, которыя основаны были въ Греціи.

Француз-
ская шко-
ла въ
Афинахъ.

По времени первымъ такимъ учрежденіемъ является Французская школа въ Афинахъ (École française d'Athènes)⁴⁾, во главѣ которой стоитъ директоръ и куда посылаются стипендіаты на два или три года. Основана она была еще въ 1846 г. „для изученія языка, исторіи и древностей греческихъ“, но скорѣе по политическимъ, нежели научнымъ мотивамъ, — съ цѣлью поддержать вліяніе и престижъ Франціи, въ противовѣсъ Англіи; сначала она преслѣдовала больше литературныя и общеобразовательныя цѣли, чѣмъ спеціальныя, ученые разысканія, и долгое время, до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, мало проявляла свою дѣятельность. За этотъ періодъ можно отмѣтить лишь открытія Beulé

¹⁾ Собственно— $\frac{1}{3}$, а другая треть—владѣльцу участка; но въ данномъ случаѣ такимъ владѣльцемъ была Турція же.

²⁾ Гуманъ не дожилъ до открытія этого музея: онъ умеръ въ 1896 г.

³⁾ Сюда входятъ и пергамскія надписи (т. VIII), изданныя въ обработкѣ M. Fränkel'я.

⁴⁾ Radet, L'histoire et l'oeuvre de l'École franç. d'Athènes. P. 1901; на рус. яз. о Франц. школѣ—ст. С. О. Цыбульскаго въ „Гимназіи“, 1891.

въ акрополѣ (1852—3), изслѣдовавшаго лѣстницу, ведущую къ пропилямъ,—открытія, въ свое время произведшія большое впечатлѣніе и вызвавшія оживленную полемику; затѣмъ—разысканія Фукара и Вешера въ Дельфахъ (1860—2), путешествія (1861) Henzeu и Daumet по сѣверной Греціи, Македоніи и Фракіи и Perrot—по Малой Азіи.

Новая эра въ дѣятельности Французской школы въ Аѣинахъ начинается съ середины 70-хъ годовъ, когда во главѣ ея сталъ Alb. Dumont (1875—8) и она преобразована была въ ученое учрежденіе, въ своего рода Institut de correspondance hellénique, получавшій корреспонденціи изъ Смирны, Александріи, Константинополя и т. д., служившій какъ-бы посредникомъ между Востокомъ и Западомъ. Съ 1877 г. школа издаетъ и свой органъ—Bulletin de correspondance hellénique, гдѣ сосредоточиваются сообщенія о новѣйшихъ открытіяхъ и гдѣ наряду со статьями на французскомъ языкѣ—иногда ученыхъ разныхъ національностей¹⁾—отведено было мѣсто и статьямъ на языкѣ ново-греческомъ. Болѣе крупныя мемуары и монографіи помѣщаются въ Bibliothèque des écoles d'Athènes et de Rome (съ 1881 г.). Дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія Французская школа достигла при преемникахъ Дюмона—Фукарѣ²⁾, извѣстномъ знатокѣ надписей, при которомъ и преобладало эпиграфическое направленіе, и Омоллѣ³⁾, прославившемся своими раскопками на Делосѣ и въ Дельфахъ.

Раскопки эти были самымъ выдающимся дѣломъ Французской школы.

Древности Делоса⁴⁾, священнаго для грековъ острова, родины Аполлона и одно время центра аѣинскаго союза, испытали обычную, печальную участь: еще въ I в. до Р. Хр., во времена Митридата, островъ подвергся разоренію, а въ средніе и новыя вѣка служилъ каменоломней. Госпиталиты и жители сосѣднихъ острововъ брали отсюда матеріалъ для построекъ; церковь на Тиносѣ, напр., вся выстроена изъ античнаго мрамора. Въ XV в. извѣстный любитель археологіи, Киріакъ изъ Анконы, обратилъ

Раскопки
на Делосѣ.

¹⁾ Въ томъ числѣ и русскихъ эпиграфистовъ (см. выше, стр. 367 сл.).

²⁾ Род. въ 1836 г.; директоромъ школы былъ съ 1878 г.

³⁾ Homolle род. въ 1848 г.; директоромъ состоитъ съ 1891 г.

⁴⁾ О раскопкахъ на Делосѣ—отчеты въ Bull. de corr. hell.; Diehl, Excurs. arch.; Radet, L'Hist. et l'oeuvre de l'école fr. d'Athènes; Pauly-Wissowa, Real-Encyclop., s. v. Delos; В. А. Шефферъ, De Deli insulae rebus. Berl. 1889; Э. Шульце, Нов. раск. на Делосѣ (Ж. М. Н. Пр., 1883, сентябрь).

вниманіе на Делосъ. Въ XIX в. здѣсь производилъ изслѣдованія еще L. Ross. Въ 1873 г. одинъ изъ членовъ Французской школы Lebègue началъ раскопки на горѣ Кинѣѣ и между прочимъ нашелъ пещеру, служившую древнѣйшимъ храмомъ. Его изслѣдованія продолжалъ, по порученію греческаго Археологическаго Общества, Стаматакисъ, и открылъ святилище иноземныхъ (египетскихъ) боговъ—Сераписа, Изиды и Аноубиса. Но только съ 1877 г. Французскою школою начаты на Делосѣ систематическія, въ широкихъ размѣрахъ, раскопки, давшія богатые результаты. Руководство ими поручено было Омоллю, который повелъ ихъ по новому плану (1877—80). Въ 1885 и 1888 г. Омолль снова возвратился на Делосъ для продолженія своихъ раскопокъ. Въ промежутокъ другіе члены Французской школы (Hauvette, Sal. Reinach, Fougères и проч.) съ своей стороны изслѣдовали разныя части острова и дополнили такимъ образомъ разысканія Омолля.

Въ результатъ открыты были остатки священнаго города, храма и различныхъ зданій—пропилеевъ, театра, гимназіи, святилищъ, помѣщеній, принадлежавшихъ разнымъ коллегіямъ или корпораціямъ, и т. под.—, въ общемъ до 60, гавани, любопытныя архаическія статуи и въ особенности надписи, числомъ болѣе 1500. Такимъ образомъ пролить свѣтъ на исторію храма, его управленіе, на развитіе греческой скульптуры, особенно въ болѣе древній періодъ, и т. д. Мы поймемъ все значеніе сдѣланныхъ находокъ, преимущественно надписей, если вспомнимъ, что храмъ делосскій служилъ своего рода архивомъ, казнохранилищемъ и музеемъ, что здѣсь хранились различные акты, коніи съ договоровъ и другихъ документовъ и что островъ Делосъ былъ однимъ изъ центровъ не только религіозной жизни, но и торговаго движенія.

Систематическія, сопровождавшіяся замѣчательными открытіями раскопки въ Дельфахъ относятся уже къ 90-мъ годамъ истекшаго столѣтія, а потому о нихъ я скажу далѣе.

Другія
раскопки
Французск.
школы.

Къ открытіямъ на Делосѣ и отчасти въ Дельфахъ близко стоятъ по своему характеру открытія на мѣстѣ святилища Аполлона Птоискаго, въ Беотіи. Раскопки здѣсь велъ Holleaux въ 1884—91 г. Имъ найдены развалины храма, священныя дары, въ томъ числѣ интересныя статуи, бросающія свѣтъ на исторію греческаго архаическаго искусства, и надписи почти за 1000-лѣтній періодъ, начиная со второй половины VI в. до Р. Хр. Членами Французской школы производились раскопки также и въ другихъ мѣстностяхъ Греціи—въ Элатеѣ, Теспіяхъ, въ Пелопоннесѣ; здѣсь

заслуживаютъ быть отмѣченными изслѣдованія Fougères въ Мантинѣ¹⁾. А на островѣ Санторинѣ (древней Тѳерѣ) Gorceix открылъ (1869—71) слѣды древнѣйшихъ поселеній и архаической культуры. Р. Girard изслѣдовалъ Самось и приобрѣлъ для Луврскаго музея знаменитую статую Геры Самосской. Въ Малой Азійѣ въ Миринѣ (близъ Смирны) подъ руководствомъ Pottier и S. Reinach'a раскопанъ некрополь²⁾ со множествомъ терракотовыхъ статуэтокъ, подобныхъ танагрскимъ. Членъ Французской школы Rayet на средства Ротшильдовъ произвелъ въ 1872—3 г. раскопки въ Милетѣ и его окрестностяхъ, на мѣстѣ оракула Аполлона Бранхидскаго, въ Магнесіи, Признѣ и т. д.³⁾ Во Фригійи, Лидіи, Ликіи производили изслѣдованія Radet⁴⁾, Cousin, Diehl и друг.; найдены были, между прочимъ, интересные эпиграфическіе памятники, напр. письмо Дарія Гистаспа, рескриптъ Антіоха II (относительно культа царицы Лаодикеи) и даже цѣлый философскій трактатъ⁵⁾.

Членамъ Французской школы въ Аѳинахъ, кромѣ того, принадлежитъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ монографій и изслѣдованій по греческой исторіи, государственному и частному древностямъ и искусству.

Можно сказать, что большая часть выдающихся специалистовъ Франціи второй половины XIX в. въ этихъ научныхъ областяхъ — Фюстель де Куланжъ⁶⁾, Перро⁷⁾, Фукаръ⁸⁾, Дю-

Французск.
ученые
второй по-
ловины
XIX в.

¹⁾ Mantinée et l'Arcadie orientale. P. 1898, гдѣ сведены результаты и предшествовавшихъ его работъ.

²⁾ Pottier et S. Reinach, La Nécropole de Myrina. P. 1887. 2 v.

³⁾ Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique. Fouilles et explorations archéologiques. P. 1877—82. 3 v.

⁴⁾ La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades. 1892.

⁵⁾ Cousin списалъ его въ 1889 г. (Bull. de corr. hell., XVI, 1892), а затѣмъ (въ 1895 г.) — Heberdey и Kalinka (ibid., XXI, 1897).

⁶⁾ См. выше, стр. 365 сл.

⁷⁾ G. Perrot, Essai sur le droit public d'Athènes. 1867; Commerce des céréales en Attique au IV siècle (Rev. hist., IV, 1877). Съ 1882 г. Perrot вмѣстѣ съ Chipiez издаетъ капитальную Histoire de l'art dans l'antiquité.

⁸⁾ Кромѣ уже раньше упомянутыхъ трудовъ, Фукару принадлежатъ напр. еще слѣдующіе: Mémoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité. 1863; Les associations religieuses chez les Grecs, thiasés, éranes, orgéones. 1873; Mém. sur les colonies athéniennes au V et au IV s. 1878; Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Éleusis. 1893 и проч.

монъ ¹⁾, Карто ²⁾, Колинъонъ ³⁾, Омолль ⁴⁾, П. Жираръ ⁵⁾, Оссулье ⁶⁾, Поттье ⁷⁾, Оветтъ ⁸⁾, С. Рейнакъ ⁹⁾, Монсо ¹⁰⁾, Ардалъонъ ¹¹⁾ и друг. ¹²⁾ — вышли изъ Французской школы въ Аѳинахъ, и многія изъ ихъ монографій напечатаны въ *Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome*.

Говоря объ участіи французскихъ ученыхъ въ разработкѣ греческой исторіи, можно отмѣтить еще, что во Франціи въ 1867 г. возникло общество для поощренія изученія Греціи (*Association pour l'encouragement des études grecques*), которое издаетъ и свой органъ—*Revue des études grecques*.

Нѣмецкій
Инсти-
тутъ въ
Аѳинахъ.

Въ 1874 г. и нѣмцы основали въ Аѳинахъ учрежденіе, подобное Французской школѣ; въ видѣ Отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института.

Институтъ этотъ впервые основанъ былъ въ 1829 г. въ Римѣ, по инициативѣ Gerhard'a (см. стр. 314), въ цѣли оживленія сношеній въ области археологіи и скорѣйшаго обнаруженія вновь открываемыхъ памятниковъ ¹³⁾. Онъ являлся первоначально частнымъ обществомъ и носилъ международный характеръ: къ нему принадлежали и въ его работахъ принимали участіе лица различныхъ національностей — не только нѣмцы, но и итальянцы, и французы; изданія его (*Bulletino*, *Annali*, *Monumenti inediti*) выходили большею частью на итальянскомъ языкѣ и проч. Наи-

¹⁾ См. выше, стр. 389.

²⁾ Cartault, *La trière athénienne*. 1881.

³⁾ Collignon, *Hist. de la sculpture grecque*. 1892—7. 2 v.

⁴⁾ Помимо извѣстныхъ раскопокъ, Номолле принадлежитъ напр. *Reglements de la phratry des Labyades*. 1895 (*Bull. de corr. hell.*, XIX).

⁵⁾ *L'éducation athénienne au V et au IV s.* 1889.

⁶⁾ Haussoullier, *La vie municipale en Attique*. 1884.

⁷⁾ См. выше, стр. 391, прим. 2.

⁸⁾ Hauvette, *Les stratèges athén.* 1885; Hérodote, *historien des guerres médiques*. 1894 (см. выше, стр. 51).

⁹⁾ См. выше, стр. 391, прим. 2, и *Chroniques d'Orient*, съ 1883 (отдѣльно—1891—6. 2 v.).

¹⁰⁾ Monceaux, *Les proxénies grecques*. 1885; *La Grèce avant Alexandre*. 1892.

¹¹⁾ Ardaillon, *Les mines de Laurion dans l'antiquité*. 1897.

¹²⁾ Напр. Dubois (*Les ligues étolienne et achéene*. 1885), Dürrbach (*L'orateur Lycurgue*. 1890), Dugit (*Étude sur l'aréopage athén.* 1867), Clerc (*Les metèques athén.* 1893), Martha (*Les sacerdoces athéniens*. 1882).

¹³⁾ Michaelis. *Die Aufgaben und Ziele des kais. deutschen Archäolog. Instituts* (Preuss. Jahrb., 63 B., 1889); Larfeld, *Gr. Epigr.* 2, стр. 412 сл.

большую поддержку ему оказывало прусское правительство и Берлинская академія наукъ. Въ 1871 г. институтъ превратился въ прусское учрежденіе, а въ 1874 г.—въ имперское, подъ именемъ „Императорскаго Нѣмецкаго Археологическаго Института“. Почти одновременно, въ томъ же 1874 г., по прозку Э. Курціуса, въ Аѣинахъ основано было его отдѣленіе. Каждымъ изъ двухъ отдѣленій, Аѣинскимъ и Римскимъ, завѣдуютъ по два секретаря, а центральная дирекція находится въ Берлинѣ. На обязанности секретарей лежитъ редактированіе „Извѣстій“ (Mittheilungen), чтеніе лекцій или объясненіе памятниковъ, руководство занятіями стипендіатовъ, которыхъ ежегодно командировается нѣсколько, устройство археологическихъ экскурсій, веденіе засѣданій и т. под. Въ числѣ секретарей Аѣинскаго Отдѣленія мы видимъ такихъ лицъ, какъ U. Köhler (до 1886 г.), которому такъ много обязана эпиграфика (см. стр. 365), и ученый архитекторъ Dörpfeld. Институтъ располагаетъ значительнымъ бюджетомъ; онъ имѣетъ свой органъ—Mittheilungen, изъ которыхъ одинъ отдѣлъ выходитъ въ Аѣинахъ ¹⁾, а другой—въ Римѣ. Кроме того, въ Берлинѣ существуетъ центральный органъ—сначала Archäol. Zeitung, а потомъ—Antike Denkmäler и Jahrbuch (съ 1886 г.), съ приложеніемъ (Archäol. Anzeiger, съ 1889 г.). Ежегодные отчеты о дѣятельности Нѣмецкаго Археологическаго Института печатаются въ Sitzungsberichte d. Berl. Akad. d. Wissensch.

Нѣмецкій Археологическій Институтъ въ Аѣинахъ очень много способствовалъ дальнѣйшему изученію исторіи, археологіи и топографіи Греціи. Между прочимъ при содѣйствіи этого учрежденія и при участіи Курціуса предпринята была громадная работа—топографическая съемка Аттики нѣмецкими офицерами генеральнаго штаба. Результатомъ этихъ изслѣдованій явились совмѣстные изданія Курціуса и Кауперта: „Атласъ Аѣинъ“ (1878) и „Карты Аттики“ (1881—94/5), съ объяснительнымъ текстомъ, въ которомъ описаніе Аѣинъ и ихъ окрестностей принадлежитъ самому Курціусу, а остальное—его ученику Milchhöfer'у, извѣстному знатоку топографіи Аттики.

Въ 1886 г. возникла Англійская школа въ Аѣинахъ (British School at Athens), по побужденію Jebb'a, на частные взносы, безъ субсидіи со стороны правительства, но все-таки вы-

¹⁾ Въ Mittheilungen есть статьи и русскихъ ученыхъ.

Англійская
школа

дающая стипендію (изъ фонда, основаннаго въ честь эпитафиста Newton'a). Она принимала дѣятельное участіе въ раскопкахъ на о. Кипрѣ (доставшемся Англіи въ 1878 г.), гдѣ еще въ 70-хъ годахъ съ большимъ успѣхомъ производилъ разысканія сѣверо-американскій консулъ графъ Cesnola ¹⁾, а затѣмъ нѣмецкій ученый Ohnefalsch-Richter ²⁾, издававшій даже специальный органъ The Journal of Cyprian Studies. При поддержкѣ этой школы, Британскаго музея, нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ и университетовъ, образовался особый Cyprus Exploration Fund (1887), благодаря которому раскопки продолжались далѣе, а въ Никосіи основанъ музей кипрскихъ древностей.

и
общества.

Въ такомъ же направленіи дѣйствуютъ ученые англійскія общества — Society for the promotion of Hellenic Studies, издающее Journal of Hellenic Studies, и въ особенности Egypt Exploration Fund ³⁾. Последнимъ, подъ руководствомъ Flinders Petrie, Gardner'a и Griffith'a, предприняты были раскопки на мѣстѣ греческой колоніи Навкратисъ (1884—6) ⁴⁾, поведшіе къ богатымъ и неожиданнымъ результатамъ; открытъ городской округъ со святилищами и немало надписей, по древности не уступающихъ надписи въ Абу-Симбелѣ. Большая часть найденныхъ древностей перевезена въ Англію и лишь незначительная часть поступила въ Булакскій музей ⁵⁾.

Изъ отдѣльныхъ лицъ слѣдуетъ назвать еще англійскаго архитектора Wood'a, многолѣтнія раскопки котораго въ Эфесѣ увѣнчались наконецъ открытіемъ въ 1874 г. знаменитаго храма Артемиды ⁶⁾, и уже извѣстнаго намъ эпитафиста Newton'a, сдѣлавшаго интересныя открытія на мѣстѣ храма Аполлона Бранхидекаго (колоссальныя статуи) и въ Галикарнассѣ (мавзолей).

Американ.
школа.

Въ 1881 г., на счетъ Американскаго Археологическаго Института, начаты раскопки въ Ассосѣ, а въ 1882 г. учреждена Американская школа въ Аѣинахъ (American School of

¹⁾ Cesnola, Cyprus, its ancient cities, tombs and temples. London. 1877 (нѣм. пер.—Iena. 1879).

²⁾ См. выше, стр. 11, прим. 11.

³⁾ О немъ между проч. — ст. Ermann'a въ Berl. Philol. Wochenschr., 1890, № 29/30.

⁴⁾ См. выше, стр. 12, прим. 2.

⁵⁾ Larfeld², стр. 425.

⁶⁾ Wood, Discoveries at Ephesus, including the site and remains of the great temple of Diana. London. 1876.

Classical Studies); ея издание (Papers of the American School of Classical Studies of Athen) выходило въ Бостонѣ. Наиболѣе выдающійся эпиграфистъ этой школы—Sterrett¹⁾. Американская школа производила раскопки въ Атикѣ, Сикіонѣ, Платеѣ и т. д.²⁾.

Въ Америкѣ образовалось особое общество для изслѣдованія Малой Азіи—Asia Minor Exploration Fund, поддержку ко-
Исследо-
ванія въ М.
Азіи.
 ему оказали и англичане. По порученію этого общества англій-
 скій археологъ Ramsay вмѣстѣ съ упомянутымъ выше американ-
 скимъ эпиграфистомъ Sterrett'омъ предпринялъ экспедицію въ
 Карію и во Фригію (1883). На слѣдующій годъ Ramsay вмѣ-
 стѣ съ англичаниномъ А. Н. Smith'омъ снова посѣтилъ эти стра-
 ны и Писидію. Изслѣдованія эти имѣли большое значеніе въ дѣлѣ
 изученія топографіи и археологіи Малой Азіи³⁾. А Sterrett пред-
 принималъ экспедицію въ Малую Азію сначала на свой счетъ (1884),
 а потомъ (1885)—на средства, данныя Miss Wolfe⁴⁾.

Малая Азія служила предметомъ изученія особенно со стороны
Австрій-
скія экспе-
диции.
 австрійскихъ ученыхъ. До послѣдняго времени Австрія не имѣла
 учрежденія, подобнаго упомянутымъ выше школамъ или Нѣмецко-
 му Институту; эпиграфическія же и археологическія изслѣдованія
 и сообщенія австрійскихъ ученыхъ печатались обыкновенно въ
 Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Österreich-
 Ungarn, гдѣ встрѣчаемъ работы такихъ специалистовъ, какъ
 Benndorf, Domaszewski, Gomperz, Hirschfeld, Szanto, Swoboda.
 Зато обращаютъ на себя вниманіе австрійскія ученныя экс-
 педиции, напр. на о-въ Самоѳракію—въ 1873 и 1879 г.—(Con-
 ze, Hauser и Niemann), а въ особенности—на юго-западъ Ма-
 лой Азіи—въ 1881—2 г.—(Benndorf и друг.)⁵⁾, въ Памфилію
 и Писидію—въ срединѣ 80-хъ годовъ—(гр. Ляскоронскій съ
 Ниманомъ, Петерсеномъ, Лушаномъ и многими молодыми со-
 трудниками)⁶⁾. Князь Лихтенштейнъ въ 1890 г. открылъ Вѣн-

¹⁾ Larfeld², стр. 427.

²⁾ Отчеты—въ American Journal of Archaeology and of the history of the fine arts (въ Балтиморѣ).

³⁾ Результаты сведены Ramsay въ Historical geography of Asia Minor. 1890.

⁴⁾ Результаты опубликованы въ Papers of the American School of Class. Stud. at Athens.

⁵⁾ Reisen im Südwestlichen Kleinasien. 1884—9. 2 Bde; И. В. Помяловскій, Австрійскія ученныя экспедиціи въ Ликію (Ж. Мин. Нар. Пр., 1883, ноябрь).

⁶⁾ Graf Lanckoronski, Städte Pamphyliens und Pisidiens. 1890—2. 2 B.

ской академіи наукъ кредитъ на нѣсколько лѣтъ для дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій Малой Азіи.

Что касается Италіи, то и ова не имѣла въ Аѣинахъ особаго учрежденія, но, какъ мы уже знаемъ, итальянскій ученый Halbherr производилъ въ срединѣ 80-хъ годовъ раскопки на Критѣ, на мѣстѣ древней Гортины, и открылъ тамъ знаменитую надпись.

Я говорилъ до сихъ поръ объ основанныхъ въ Аѣинахъ иноземныхъ учрежденіяхъ, школахъ и институтахъ и объ экспедиціяхъ. Но и мѣстное Греческое Археологическое Общество въ свою очередь немало сдѣлало по части раскопокъ и открытій ¹⁾. Основанное впервые еще въ 1837 г., потомъ на-время прекратившее-было свое существованіе, оно въ 1858 г. вновь возникло, но лишь съ конца 60-хъ и особенно съ 80-хъ годовъ обнаружило энергичную дѣятельность. Оно издаетъ рядъ публикацій—*Ἀθήναιον* (1872—82), *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική* (съ 1883 г.), *Πρακτικά* (съ 1872 г.), *Δελτίον ἀρχαιολογικόν* (съ 1888 г.); оно ведетъ удачныя раскопки въ Аѣинахъ, Элевсинѣ, Оропѣ, Эпидаврѣ, Танагрѣ, Микенахъ и т. д.

Раскопки
въ
Аѣинахъ,

Первое мѣсто среди этихъ раскопокъ занимаютъ открытія на аѣинскомъ акрополѣ ²⁾. Раньше здѣсь, какъ мы видѣли (стр. 319), производили разысканія Россъ, Питтаки, Beulé; въ 1862 г. въ Аѣины снаряжена была прусская экспедиція при участіи Э. Курциуса; тогда же Bötticher велъ раскопки на акрополѣ. Дальнѣйшія, большею частью случайныя находки указывали на то, что здѣсь подъ мусоромъ и грудой развалинъ скрываются интересные памятники древности ³⁾. Въ 1876—7 г. Греческое Археологическое Общество очистило южный склонъ акрополя, а въ 1882 г. оно, подъ руководствомъ эфора Каввадія, предприняло систематическія раскопки, которыя и привели въ 1885—9 гг. къ замѣчательнымъ открытіямъ. Исходя изъ убѣжденія, что среди мусора, послужившаго для уравниванія площади акрополя и заполниваго всѣ неровности его поверхности во время строительной дѣятельности

¹⁾ Καβαδίας, Ἱστορία τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας... Ἀθῆναι. 1900.

²⁾ Отчеты—въ Ἐφημ. ἀρχαιολ.; Diehl, Excurs. arch.; Bötticher, Acropolis. Berl. 1888; Collignon, Les fouilles de l'Acropole d'Athènes (Rev. des Deux Mondes. 1890, 15 févr.); А. А. Павловскій, Скульптура въ Атикѣ до Греко-Персид. войнъ. Спб. 1896 (изъ VIII т. „Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.“).

³⁾ Между прочимъ найдена была статуя, извѣстная подъ названіемъ Мосхофора.

Периклова вѣка, должно находиться немало памятниковъ, погибшихъ при нашествіи персовъ, Греческое Археологическое Общество задалось цѣлью дойти до самой скалы ¹⁾. Ожиданія оправдались: изъ этого насыпнаго слоя извлечена масса памятниковъ, наполняющихъ теперь нѣсколько залъ Акропольскаго музея (не говоря уже объ отдѣльныхъ экземплярахъ и фрагментахъ въ различныхъ другихъ музеяхъ) и несомнѣнно относящихся ко времени до Греко-Персидскихъ войнъ ²⁾. Среди нихъ особенно любопытны статуи; многія изъ нихъ раскрашены. Эти находки освѣтили многое въ исторіи греческаго искусства, особенно начального періода. Археологическимъ Обществомъ, кромѣ того, открыты на акрополѣ остатки „Пеласгической стѣны“ и древняго дворца микенской эпохи.

Въ Элевсинѣ ³⁾ еще въ 1815 г. начаты изысканія однимъ *Элевсинъ*, англійскимъ обществомъ, образовавшимся въ Лондонѣ съ цѣлью изученія античныхъ памятниковъ. Къ 1860—1 г. относятся раскопки Ленормана; но систематическія раскопки начаты только въ 1882 г. Греческимъ Археологическимъ Обществомъ. Греческое правительство экспроприировало дома, построенные на мѣстѣ развалинъ, что, конечно, стоило немалыхъ суммъ, но зато дало возможность надлежащимъ образомъ изслѣдовать священный округъ. Раскопки (подъ руководствомъ Филиоса) производились дѣятельно и дали немаловажные результаты въ видѣ произведеній искусства и многочисленныхъ надписей; выясненъ и планъ, и расположеніе зданій.

Въ Эпидаврѣ, гдѣ было святилище Асклепія, раскопки *Эпидавръ*, велись подъ наблюденіемъ Каввадія (1881—7) и привели къ открытію святилища и разнаго рода памятниковъ ⁴⁾.

Изслѣдованія и раскопки Греческаго Археологическаго Общества въ Микенахъ въ 1887—8 г., уже послѣ Шлимана, пролили новый свѣтъ на отношеніе микенской культуры къ чисто эллинской. Такъ, въ нижнемъ городѣ, т. е. у подножія акрополя,

¹⁾ А. А. Павловскій, стр. 2.

²⁾ А. А. Павловскій, *ibid.*

³⁾ Д. Н. Корольковъ, „Нов. раск. въ Элевсинѣ (Ж. М. Н. Пр., 1884, апр.).“

⁴⁾ Καβαδίας, Τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἐν Ἐπιδαύρῳ καὶ ἡ θεραπεία τῶν ἀσθενούντων. Ἀθήναι. 1900 (результаты раскопокъ 1881—98 г.); Defrasse et Lechat, Epidaure. Restauration et description des principaux monuments de sanctuaire d'Asclép. P. 1895; Caton, Two lectures on the temples and ritual of Asklep. at Epid. and Athens. London. 1899; на рус. яз. ср. С. А. Жебелевъ, Религ. врачей. въ древн. Греціи. Спб. 1893 (изъ VI т. „Зап. Имп. Р. Арх. Общ.“).

открыто нѣсколько десятковъ небольшихъ могилъ, изъ коихъ одна куполообразная въ родѣ „сокровищницы царя Атрея“, а остальные высѣчены въ скалѣ; при этомъ найдены бритвы, круглыя металлическія зеркала въ оправѣ изъ золотой кости, фрагментъ стеклянной вазы, нѣсколько желѣзныхъ колецъ и бронзовыхъ фибулъ,—важныя находки, ибо до тѣхъ поръ именно въ отсутствіи желѣза и фибулъ видѣли одну изъ характерныхъ особенностей микенской культуры и одно изъ главныхъ ея отличій отъ культуры гомерической. Въ Микенахъ открыты также развалины дворца, подобнаго тиринескому.

Танагрскія
фигуры.

Иного рода были находки въ Танагрѣ (въ Беотіи), относящіяся преимущественно къ 70-мъ годамъ истекшаго вѣка ¹⁾.

Здѣсь давно уже мѣстные жители, при обработкѣ земли, наталкивались на древнія могилы, содержавшія множество статуэтокъ. Около 1870 г. начались болѣе дѣятельныя разысканія; нѣкій Георгій Анифантисъ, родомъ изъ Корфу, болѣе извѣстный подъ именемъ „старого Георгія“, принялся за тайныя раскопки некрополя въ Ѳеспіяхъ, а потомъ перенесъ свою дѣятельность въ Танагру, гдѣ его ожидали еще болѣе обильныя находки, которыя онъ выгодно сбывалъ. Такъ мало-по-малу развился здѣсь дѣльный промыселъ, и танагрскія могилы подверглись массовому расхищенію, большая же часть находокъ перешла за границу. Наконецъ греческое правительство и Археологическое Общество приняло мѣры. Въ 1873 г. посланъ былъ агентъ Общества даже съ военнымъ отрядомъ, чтобы остановить тайныя раскопки. Въ 1873—6 г. Общество предприняло раскопки, причемъ разрыто было нѣсколько тысячъ могилъ. Съ 1888 г. раскопки возобновились. Находимы были преимущественно мелкіе предметы, статуэтки. Но самая богатая коллекція ихъ собрана въ Луврѣ; затѣмъ немалое количество ихъ имѣется въ Британскомъ музеѣ и въ собраніи Сабурова (одно время бывшего русскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ), пріобрѣтенномъ Берлинскимъ музеемъ.

Танагрскія фигуры открываютъ намъ новую сферу или сторону греческаго искусства; онѣ вводятъ насъ въ повседневную жизнь грековъ, знакомятъ насъ съ ихъ занятіями, забавами, костюмами. Онѣ изображаютъ намъ то женщинъ, занятыхъ своимъ

¹⁾ Diehl, Excurs. archéol.; К. К. Герцъ, Греч. статуэтки изъ Танагры (Рус. Вѣстн., 1878, № 5); Н. П. Кондаковъ, Греч. терракот. статуэтки въ ихъ отношеніи къ искусству, религіи и быту (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., XI, 1879).

туалетомъ или своимъ хозяйствомъ, печеніемъ хлѣба и т. под.; то цирюльника, стригущаго своего кліента; то повара, готовящаго обѣдъ; то торговца, выкрикивающаго свой товаръ; то дѣтей, играющихъ или пишущихъ и т. д.

Открытіемъ развалинъ Додоны ¹⁾, гдѣ былъ древнѣйшій оракулъ, очень почитаемый греками, наука обязана не какому-либо обществу, а отдѣльному лицу—греку Карапану. До его раскопокъ въ точности не было извѣстно даже мѣстоположеніе Додоны; слѣды нѣкогда знаменитаго оракула, казалось, исчезли навсегда, и еще Байронъ, посѣтившій эту мѣстность, говорилъ въ Чайльдъ-Гарольдъ:

*Открытие
Додоны.*

„Додона! гдѣ жъ твоя дубрава?
Ручей пророческій былъ тамъ.
Гдѣ твой оракулъ вѣщій, слава?
Гдѣ громовержца вѣчный храмъ?
Ихъ нѣтъ кругомъ...“ ²⁾.

Карапанъ въ 1876 г. опредѣлилъ мѣстоположеніе Додоны, открылъ ея развалины и остатки святилища, нашелъ много мелкихъ предметовъ, служившихъ обѣтными приношеніями,—бронзовыхъ треножниковъ, вазъ, а также свинцовыя таблички, на которыхъ писались обращенные къ оракулу вопросы, самые разнообразные и, такъ сказать,—житейскіе, даже напр. относительно пропавшихъ вещей.

Намъ остается сказать здѣсь еще объ участіи русскихъ ученыхъ въ археологическихъ разысканіяхъ.

Россія не имѣла и не имѣетъ какой-либо школы или института въ Аѳинахъ (Русскій Археологическій Институтъ существуетъ въ Константинополѣ, да и то недавно); но, какъ мы уже видѣли (стр. 367), съ 1880 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія командировано было въ Грецію нѣсколько молодыхъ ученыхъ, которымъ, за неимѣніемъ русскаго учрежденія, приходилось такъ или иначе пользоваться содѣйствіемъ Французской школы или Нѣмецкаго института, и ихъ работы нерѣдко помѣщались въ Bulletin de corresp. hellénique и въ Mittheilungen. На долю Россіи выпало главнымъ образомъ изученіе тѣхъ древностей, которыя находятся въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ, на югѣ, на мѣстѣ греческихъ колоній.

*Открытие
древностей
въ южной
Россіи.*

¹⁾ Karapanos, Dodone et ses ruines. P. 1878; Pomtow, Die Orakelschriften von Dodon (N. Jahrb., 1883).

²⁾ Пѣснь, 53 строфа (перев. Минаева); Diehl, Excurs. archéol., стр. 69.

Исслѣдованіе края въ археологическомъ отношеніи началось вскорѣ послѣ покоренія его Россіей ¹⁾, причемъ въ этомъ изслѣдованіи принимали участіе не только русскіе, но и иностранцы. Въ 20-хъ годахъ истекшаго вѣка появились работы Бларамберга ²⁾, Рауля Рошетта ³⁾, Кеппена ⁴⁾. Но основаніе классической археологіи южной Россіи положилъ петербургскій академикъ Келеръ ⁵⁾. Появились затѣмъ историко-археологическіе обзоры—Спасскаго (Боспоръ Киммерійскій. М. 1846), Ашика (Воспорское царство. Од. 1848—9), В. В. Григорьева (Цари Боспора Киммерійскаго. Спб. 1851); но особенно важны были „Исслѣдованія о древностяхъ южной Россіи“ (1851—3, и на франц. яз.) незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской археологической науки гр. А. С. Уварова; слѣдуетъ упомянуть также о работахъ Ф. К. Бруна ⁶⁾. Новѣйшій общій обзоръ классическихъ древностей южной Россіи можно найти въ I выпускѣ извѣстнаго изданія гр. И. И. Толстого и акад. Н. П. Кондакова („Русскія древности въ памятникахъ искусства“). Нумизматическій матеріалъ изслѣдованъ Кене (Köhne) ⁷⁾, П. О. Бурачковымъ ⁸⁾, А. В. Орѣшниковымъ ⁹⁾. О сборникахъ надписей И. В. Помяловскаго и В. В. Латышева и объ эпиграфическихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго я уже говорилъ раньше (стр. 367—8).

По изслѣдованію древностей и исторіи сѣвернаго побережья Чернаго моря много сдѣлано Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей (см. его „Записки“, съ 1844 г.), Импер. Русскимъ Археологическимъ Обществомъ (его — „Запис-

¹⁾ Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русск. древности въ памятникахъ искусства. Вып. I. Классич. древн. южн. Россіи. Спб. (1-е изд.—1889), стр. 103 сл.

²⁾ Между ними напр.—Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou d'Olbia. 1828 (есть рус. пер.) и друг.

³⁾ Raoul Rochette, Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien. P. 1823.

⁴⁾ Köppen, Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823 (есть на русск. яз.).

⁵⁾ Köhler, Gesammelte Schriften. Спб. 1850—1 (см. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус. древн., I. с.). Этого Келера, конечно, не нужно смѣшивать съ извѣстнымъ эпиграфистомъ Ulr. Köhler'омъ.

⁶⁾ Черноморье. Сборникъ изслѣдов. 1852—77. Од. 1879—80.

⁷⁾ Описаніе музея кн. Кочубея и изслѣдованіе объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній въ Россіи. Спб. 1857. 2 т.

⁸⁾ Общій каталогъ монетъ, принадлеж. эллинск. колоніямъ. Од. 1884.

⁹⁾ Монеты музея гр. А. С. Уварова. М. 1888.

ки“, „Мемуары“ [на франц. яз.] и „Извѣстія“, съ 1846 г.) и Импер. Археологическою Коммиссіею, основанною въ 1859 г. съ цѣлю разысканія и охраненія предметовъ древности; въ ея „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ сообщается о новыхъ находкахъ; въ нихъ помѣщены дневники и журналы раскопокъ (напр. за 1851—81), съ приложеніемъ объясненія памятниковъ, составленнаго акад. Л. А. Стефани, монографій и изслѣдованій.

Находимые въ южной Россіи классическіе памятники важны не только съ точки зрѣнія русской исторіи; они имѣютъ немалое значеніе и для исторіи греческой. Нѣкоторыя изъ эллинскихъ колоній на югѣ Россіи были крупными культурными и торговыми пунктами; нѣкогда здѣсь процвѣтало Боспорское царство. Съ этими колоніями Эллада поддерживала тѣсныя торговыя сношенія. Изъ Припонтійскихъ странъ получались хлѣбъ (особенно пшеница), соленая рыба, ленъ, пенька, смола, строевой лѣсъ, шкуры, воскъ, медъ, даже рабы, а туда отправлялись глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разныя бездѣлушки и т. д.¹⁾ Интересно также прослѣдить греческое вліяніе на сосѣднихъ скивовъ и вообще варваровъ. На все это археологическія данныя проливаютъ свѣтъ...

Изъ раскопокъ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего керченскія, на мѣстѣ древней Пантикопей, столицы Боспора. Первые разысканія тутъ были сдѣланы французомъ Дюбрюкомъ²⁾ еще въ началѣ XIX стол. Въ 1826 г. учрежденъ музей мѣстныхъ древностей³⁾. Въ 1831 г. при ломкѣ камня для построекъ открыта знаменитая гробница въ курганѣ Куль-Объ, и съ слѣдующаго года начаты болѣе или менѣе постоянныя раскопки. Императорская Археологическая Коммиссія много содѣйствовала разысканію древностей. Митридатова гора и керченскій некрополь подверглись систематическому изслѣдованію; открыты катакомбы и множество предметовъ, такъ-что коллекція древностей Босфора Киммерійскаго въ Эрмитажѣ, по одному только разряду золотыхъ вещей, къ концу 80-хъ годовъ возросла до 10000 предметовъ⁴⁾.

¹⁾ О. Г. Мищенко, Торговыя сношенія Аѣинской республики съ Босфоромъ. Кіевъ. 1877.

²⁾ В. В. Латышевъ, Неиздан. рукопись Дюбрюкса (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XV); гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус. древн., I. с.

³⁾ Большая часть керченскихъ древностей находится однако въ Эрмитажѣ. Каталогъ ихъ составленъ акад. Стефани („Древн. Босфора Киммер., хранящ. въ Имн. музеѣ Эрмитажа“. Спб. 1871. 2 т.).

⁴⁾ Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус. древн., I. с.

Среди древнихъ греческихъ колоній по сѣверному побережью Чернаго моря видное мѣсто занимала также Ольвія. Ея надписи принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ среди эпиграфическаго матеріала, собраннаго въ предѣлахъ южной Россіи. Объ изслѣдованіи В. В. Латышева, посвященномъ исторіи и государственному устройству Ольвіи, я уже упоминалъ. Производились и нѣкоторыя разысканія на мѣстѣ древней Ольвіи; дѣлались иногда любопытныя находки; но правильныя, систематическія раскопки до сихъ поръ здѣсь не велись, а тѣмъ временемъ предметы древности нерѣдко расхищаются.

Съ 1888 г. начались систематическія раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича въ Херсонесѣ ¹⁾, по порученію Импер. Археологической Коммиссіи, — раскопки, сопровождавшіяся, какъ извѣстно, большимъ успѣхомъ; между прочимъ въ числѣ надписей найдена любопытная „присяга херсонесцевъ“ ²⁾.

Раскопки велись и на Таманскомъ полуостровѣ (проф. К. К. Герцемъ ³⁾, И. Е. Забѣлинымъ, барономъ В. Г. Тизенгаузенкомъ). Въ 1875 г. приступлено было къ болѣе или менѣе систематическимъ разысканіямъ по р. Кубани и т. д.

Обработка греческой исторіи въ 70—80-хъ годахъ ⁴⁾.

Само собою понятно, что развитіе эпиграфики и великія открытія 70-хъ и 80-хъ годовъ должны были сильно повліять на обработку греческой исторіи. Пришлось многіе вопросы пересмотрѣть вновь, многое измѣнить въ установленныхъ мнѣніяхъ, цѣ-

¹⁾ См. его отчеты въ „Изв. Имп. Археол. Коммиссіи“ и въ „Крымскомъ Вѣстн.“ за соотвѣтствующіе годы; В. К. Мальмбергъ, Описаніе клас. древн., найден. въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 г. (Матеріалы по археол. Россіи. 1892); А. Л. Бертъ-Деларгандъ, Раскопки Херсонеса (ibid. № 12, 1893). Изъ болѣе раннихъ—Кене, Изслѣдов. объ исторіи и древностяхъ Херсон. Таврич. Спб. 1848; дополненія—1850; В. В. Латышевъ, Археол. изслѣд. въ Херсон. 1879—80 (Ж. М. Н. Пр., 1882, февр.); Х. П. Ящуржинскій, Очеркъ археол. развѣдокъ и изслѣдов. въ обл. Херсон. Таврич. (Изв. Таврич. Уч. Архивн. Коммис., 1888, № 5); Отчеты Одес. Общ. Ист. и Древн. (1880—6).

²⁾ О ней ст. В. В. Латышева на русск. и нѣмец. яз.

³⁾ Археол. топографія Таманскаго полуострова. М. 1870. (Кстати замѣтимъ, что въ настоящее время издается собраніе соч. К. К. Герца).

⁴⁾ См. ст. А. Н. Шварца, Новѣйшія изслѣдованія въ области древнегреческой исторіи („Крит. Обзор.“, 1880, № 6—7); мою ст. „Научн. литерат. по греч. исторіи...“ въ „Филол. Обзор.“ IV, 1893.

лые отдѣлы передѣлать... Въ особенности это нужно сказать относительно древнѣйшаго періода греческой исторіи, нѣкоторыхъ отдѣловъ государственныхъ и правовыхъ древностей, археологіи и топографіи. Въ послѣдней области выдаются напр. монографія Курта Ваксмута (автора „Введенія въ изученіе древней исторіи“, на которое мнѣ приходилось такъ часто ссылаться при обзорѣ источниковъ)—*Die Stadt Athen im Alterthum* (I-й т.—въ 1874; II-й—1890), имѣющая значеніе и для общей исторіи Аѳинъ, и труды Lolling'a, отличнаго эпиграфиста, списавшаго массу надписей, и знатока страны, написавшаго для коллекціи Iw. Müller'a очеркъ „Географіи и топографіи Эллады и эллинскихъ колоній“ (1889) и въ частности—„Топографію Аѳинъ“, а для Бедекера—„Путеводитель по Греціи“.

*Труды по
топографіи.*

Что касается господствовавшихъ въ ту пору направленій и воззрѣній, то 70-е годы и первая половина 80-хъ есть время крайностей критики, реакціи противъ взгляда Грота и его послѣдователей, противъ преклоненія предъ Аѳинами и ихъ демократіей, время—иногда ожесточенныхъ—нападковъ на нее, развѣнчанія ея дѣятелей, ниспроверженія того, что казалось общепризнаннымъ и непоколебимо установленнымъ, отрицанія фактовъ, казалось, несомнѣнныхъ. По крайней мѣрѣ, это можно сказать о нѣмецкой исторической и филологической литературѣ. Мюллеръ-Штрюбингъ¹⁾, какъ мы видѣли (стр. 103 сл.), въ цѣломъ рядѣ работъ выступилъ съ нападками на Фукидида и подвергъ его безпощадной, но большею частью несправедливой, критикѣ. Нѣсколько ученыхъ—Pflugk-Harttung²⁾, Максъ Дункеръ³⁾ и отчасти Белохъ⁴⁾—почти одновременно, но независимо одинъ отъ другаго, пытались развѣнчать Перикла, какъ государственнаго дѣятеля и полководца⁵⁾.

*Крайній
крити-
цизмъ.*

¹⁾ Тотъ самый Мюллеръ-Штрюбингъ, съ которымъ былъ друженъ И. С. Тургеневъ и о которомъ онъ упоминаетъ напр. въ письмѣ къ Біардо (1848 г.): „Я вижу отсюда, какъ къ вамъ входитъ милый Германъ Мюллеръ-Штрюбингъ съ сиреновой вѣткой въ рукахъ“.

²⁾ Perikles als Feldherr. Stuttg. 1884.

³⁾ Gesch. d. Arterth., Neue Folge, I -II B. Leipz. 1884—6.

⁴⁾ Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884.

⁵⁾ Критику этихъ попытокъ можно найти въ моей книгѣ: „Периклъ“. Харьк. 1889. Ср. Delbrück, Die Strategie d. Perikles, erläutert durch Strategie Friedr. d. Gross. (Preuss. Jahrb., 64 B., 1889).

Такимъ образомъ къ этому направленію примыкаетъ и Максъ Дункеръ въ послѣднихъ двухъ томахъ своей „Geschichte des Alterthums“, составляющихъ „Новую серію“ (Neue Folge).

Послѣдніе
томы „Ист.
оревн.“ Мак-
са Дункера.

Максъ Дункеръ, какъ было сказано (стр. 345—6), не былъ мирнымъ кабинетнымъ ученымъ, занятымъ исключительно наукой: онъ былъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ, принимавшимъ самое живое участіе въ томъ движеніи, которое предшествовало объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, ревностнымъ нѣмецкимъ патріотомъ и сторонникомъ германскаго единства, либераломъ, но врагомъ радикализма и демократіи. Съ пыломъ политика относился онъ и къ явленіямъ прошлаго, къ событіямъ и дѣятелямъ греческой исторіи ¹⁾. Нерѣдко онъ судить о нихъ съ точки зрѣнія XIX столѣтія. При изложеніи исторіи Греціи онъ часто имѣетъ въ виду современное ему положеніе дѣлъ, тѣ политическіе вопросы и интересы, которые его занимали или волновали. Онъ самъ признавался, что при характеристикѣ Ѳемистокла, этого „основателя аттическаго могущества, прозорливѣйшаго и энергичнѣйшаго изъ всѣхъ эллиновъ“, предъ нимъ невольно носился образъ германскаго канцлера—Бисмарка, сторонникомъ котораго онъ былъ. Понятно поэтому, что мы не можемъ ожидать отъ Дункера строгой объективности.

Все это особенно бросается въ глаза въ изложеніи и оцѣнкѣ аѳинской исторіи временъ Кимона, Эфіальта и Перикла. Здѣсь Дункеръ обнаруживаетъ себя большимъ поклонникомъ побѣдъ и завоеваній, внѣшняго могущества государства, какою бы дорогою цѣною это могущество ни прибрѣталось. У него замѣтно какъ-бы преклоненіе предъ силою, какъ-бы ея культъ, и въ этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть вліяніе нѣмецкихъ побѣдъ и политики „крови и желѣза“, отраженіе того настроенія, которое овладѣло нѣмецкими патріотами особенно послѣ 1870 г. Этотъ культъ силы мы наблюдаемъ неразъ въ новѣйшей нѣмецкой ученой и философской литературѣ. Вспомнимъ, какъ великій Моммзенъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ призывалъ нѣмцевъ быть жестокими по отношенію къ чехамъ, ибо „чешская башка разумныхъ доводовъ не принимаетъ, но для ударовъ и она доступна“ ²⁾; не говоря

¹⁾ Въ характеристикѣ и оцѣнкѣ труда Дункера мы совершенно расходимся съ Mahaffy, который въ своихъ „Problems in greek history“. London. 1892, на стр. 28—29, наоборотъ, говоритъ, что Дункеръ—не политикъ, что книга его страдаетъ недостатками стиля и что въ ней нѣтъ новыхъ взглядовъ.

²⁾ Письмо къ австрійскимъ нѣмцамъ, въ Neue Freie Presse, 31 окт. 1897 г.

уже о томъ, что еще въ своей „Римской исторіи“ онъ всегда на сторонѣ побѣдителя. Нѣмецкіе юристы провозглашаютъ, что сила рождаетъ право, что послѣднее есть та-же сила, но лишь дисциплинированная, словомъ — что „право есть политика силы“ (Герингъ). Въ философіи Ницше мы видимъ тоже преклоненіе предъ силой: философія эта презираетъ слабого и превозноситъ силу и сильнаго; ея лозунгъ: „смерть слабому!“ Она выставляетъ законъ, что природа хочетъ права сильнаго; сильная воля по праву поработщаетъ слабую въ борьбѣ за существованіе...¹⁾ Для Дункера блестящая эпоха въ исторіи Аѳинъ, апогей ихъ внѣшняго могущества и славы, періодъ здоровой государственной жизни, — время вліянія Кимона, „бывшаго великимъ полководцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ челоѣкомъ“, всецѣло проникнутаго павэллинскими стремленіями, сторонника союза со Спартой и войны съ Персіей. О Кимонѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ умѣлъ обращаться съ союзниками, никогда не подвергалъ ихъ тиранніи Аѳинъ, никогда не пошпиралъ союзнаго устройства. Времени Кимона Дункеръ противопоставляетъ время Перикла, забывая, что превращеніе союзниковъ изъ равноправныхъ членовъ союза въ аѳинскихъ подданныхъ, ихъ недовольство и первыя возстанія относятся именно ко времени Кимона. Яркими красками описываетъ Дункеръ также успѣхи и могущество Аѳинъ въ началѣ 50-хъ годовъ V вѣка, въ началѣ „Первой Пелопоннесской войны“, когда аѳиняне одновременно вели борьбу въ разныхъ пунктахъ, на морѣ и на сушѣ, въ Европѣ и Африкѣ, и одерживали верхъ. По его словамъ, никогда еще аѳиняне не вели такой „величественной политики“. Главную заслугу здѣсь Дункеръ приписываетъ Эфіальту, котораго онъ, какъ государственнаго дѣятеля, готовъ поставить не нижеThemistocles и котораго онъ прямо называетъ руководителемъ аѳинянъ во всѣхъ ихъ тогдашнихъ предпріятіяхъ. „Эфіальтъ“, говоритъ онъ, напр., по поводу экспедиціи на помощь Инару, „рѣшилъ пойти далѣе Евримедонта и Памфилійскаго залива“; „Эфіальтъ понималъ значеніе такого шага“, какъ принятіе подъ покровительство Аѳинъ Мегары, тѣснимой Коринѳомъ; по поводу того, что аѳинскія войска не были отозваны отъ Эгины послѣ неудачной Танагрской битвы Дункеръ восклицаетъ: „и эта заслуга принадлежитъ Эфіальту!“ А между тѣмъ все это лишь однѣ его догадки, ни на

¹⁾ Файгингеръ, Ницше, какъ философъ. М. 1902 (пер. съ нѣм.).

чемъ не основанныя: источники тутъ совсѣмъ не упоминаютъ даже имени Эфіальта, и Эфіальта не было тогда уже въ живыхъ (теперь, послѣ того, какъ намъ сдѣлалось извѣстно свидѣтельство Аристотелевой „Аѳин. Политіи“ о годѣ Эфіальтовой реформы [462/1], на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній). Мы привели эти примѣры, между прочимъ, и потому, что они характеризуютъ не только взгляды, но и пріемы Дункера, его способъ обращенія съ источниками: ни на чемъ не основанныя гипотезы и совершенно произвольныя комбинаціи у него смѣшиваются съ положительными данными, съ прямымъ свидѣтельствомъ памятниковъ ¹⁾.

Совсѣмъ иначе относится Дункеръ къ Периклу. У него мы находимъ строгую и безпощадную критику дѣйствій Перикла, какъ полководца и государственнаго человѣка; онъ открываетъ въ нихъ цѣлый рядъ ошибокъ. По его мнѣнію, слѣдовало дѣйствовать совсѣмъ иначе, нежели дѣйствовалъ Периклъ. Външнюю политику послѣдняго онъ признаетъ неудачной, то не въ мѣру уступчивой, то „безумно смѣлой“ и вызывающей. Виновниками, напр., Пелопоннесской войны у Дункера оказываются аѳиняне, а ихъ вовлечь въ эту пагубную войну не кто иной, какъ Периклъ: онъ сдѣлалъ ее неминуемою. Какъ полководецъ, Периклъ въ характеристикѣ Дункера является въ сущности бездарностью и дѣлаетъ одну ошибку за другой, причемъ особенно рѣзкой критикѣ подвергается его планъ Пелопоннесской войны; онъ оказывается виною и послѣдующихъ неудачъ аѳинянъ. Перикловы реформы признаются вредными; по отзыву Дункера, это — цѣлая система подкуповъ, еще невиданная дотолъ въ Греціи, причемъ, вопреки прочно установленному уже въ концѣ 70-хъ годовъ мнѣнію (окончательно подтвержденному теперь свидѣтельствомъ Аристотеля въ „Аѳинск. Политіи“), Периклу попрежнему приписывается и введеніе платы за посѣщеніе народнаго собранія. И хотя общій отзывъ Дункера о Периклѣ въ концѣ концовъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ можно ожидать, судя по предшествовавшимъ его замѣчаніямъ, тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія Дункера время Перикла — начало упадка Аѳинъ, и виновникомъ такого упадка является именно Периклъ.

Немало у Дункера и другихъ оригинальныхъ взглядовъ, на которыхъ мы однако не будемъ останавливаться.

¹⁾ Поразительнымъ примѣромъ произвольной комбинаціи можетъ служить также то, что Дункеръ связываетъ Понтійскую экспедицію Перикла съ присылкой изъ Египта хлѣба въ даръ аѳинянамъ и съ вопросомъ о наступательной войнѣ противъ Персіи (II, 95 сл.).

Со многими приемами Дункера въ послѣднихъ двухъ томахъ никоимъ образомъ нельзя согласиться. Мы встрѣчаемъ у него здѣсь много гипотетическаго, много комбинацій, слишкомъ шаткихъ и слишкомъ смѣлыхъ, чтобы не сказать фантастическихъ. Обращеніе съ источниками у Дункера тоже произвольное: иногда голословно отвергается ихъ показаніе, иногда извращается смыслъ ихъ словъ или дѣлаются натяжки, не всегда обращается вниманіе на разницу въ достовѣрности извѣстій и т. под. Въ оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей подчасъ видна какъ-бы предвзятая мысль—одного во что бы то ни стало восхвалить, въ дѣйствіяхъ другого—во что бы то ни стало найти побольше ошибокъ. У Дункера, напр., двѣ разныя мѣрки: одна по отношенію къ Кимону и Эфіальту, другая—по отношенію къ Периклу. У него замѣтно стремленіе объяснять историческіе факты не общими причинами, а ошибками или доблестями отдѣльнаго лица, которому и ставится въ вину или похвалу то, что въ сущности являлось естественнымъ слѣдствіемъ предшествующаго историческаго процесса, что создавалось самою силою вещей; другими словами, роль личности не въ мѣру преувеличивается, и т. д.

Но самымъ крайнимъ выразителемъ критическаго, враждебнаго отношенія къ Аѣинамъ и ихъ дѣятелямъ явился недавно скончавшійся мадьярскій ученый Julius Schvarcz въ своемъ сочиненіи о демократіи ¹⁾. Книга эта во всякомъ случаѣ явленіе характерное и знаменательное, и въ виду ея оригинальности и того вниманія, которое она возбудила ²⁾, ее нельзя обойти молчаніемъ.

Юлиусъ
Шварцъ.

Авторъ задумалъ свой трудъ по чрезвычайно широкому плану: онъ предполагалъ рассмотреть какъ древнія, такъ и новыя демократіи, и рѣшить важныя проблемы, касающіяся государствен-

¹⁾ Die Demokratie. I т., посвященный аѣинской демократіи,—1877—82 (2-те Titelaufage—1884; 2-е изд.—1901). Въ предисловіи къ 1-му выпуску II тома, трактующаго о демократіи Рима, описываются, по фрагментарнымъ, конечно, даннымъ, остальныя демократіи какъ Эллады, такъ и коловій (Leipzig. 1891).—Шварцу принадлежитъ еще курсъ греческой исторіи (на венгерск. яз. 1900), вышедшій всего за нѣсколько недѣль до его смерти.

²⁾ Доказательствомъ служатъ многочисленные, иногда даже сочувственные отзывы,—въ „Berl. Philol. Wochenschrift“, 1883, № 52; „Revue histor.“, 1885, mai—juin (редакторъ Holm’a); „Revue de l’instruction belgique“, t. XXVIII, 2 livr., 1885; „The Academy“, 1883. 20 oct.; „De Tijdspiegel“, 1886, № 2 (обширная статья Was’a) и т. д. На рус. яз. см. Аландскаго, „Строгий судъ надъ аѣин. демокр.“ (Кіевск. Унив. Изв., 1883, № 5), ст. А. И. Покровскаго въ „Истор. Обзор.“, т. I, стр. 192—3. По поводу 2-го изданія книги Schvarcz’a—редакторъ Cauet’a въ Berl. Phil. Wochenschr., 1901, № 46.

наго устройства и международных отношений. По его собственному признанию, его история афинской демократии составляет плод 15-лѣтней работы и размышлений. Шварцъ обращается не столько къ филологамъ, сколько къ государствовѣдамъ. Онъ ставитъ вопросъ: насколько афинская демократія содѣйствовала или препятствовала духовному, нравственному или матеріальному развитію человѣчества или, по его выраженію, „человѣческаго капитала“, и доказываетъ, что прекло-неніе предъ Аѳинами—„предразсудокъ“. Вся книга (I т.) представляетъ не что иное, какъ нескончаемый рядъ безошадныхъ и страстныхъ нападокъ на афинскую демократію. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаемъ мы ѣдкія замѣчанія и злобныя насмѣшки ¹⁾.

¹⁾ Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы ближе познакомить со взглядомъ Шварца и съ самою его манерою.

Солонъ, по словамъ Шварца, былъ изнѣженный сластолюбецъ и кутила, съ самой юности преданный педерастіи. Нечего приписывать афинской демократіи спасеніе эллинизма и европейской образованности отъ опасности, угрожавшей будто-бы со стороны персовъ: вовсе не Аѳины были тогда средоточіемъ и фокусомъ духовной жизни Греціи и не персы—опаснымъ врагомъ цивилизаціи; такимъ врагомъ является элементъ семитическій въ лицѣ кареатенянъ, да и въ культурномъ отношеніи Сицилія стояла тогда выше Аѳинъ, а, слѣдовательно, заслуга спасенія эллинской цивилизаціи принадлежитъ побѣдителю при Гимерѣ—сиракузскому тиранну Гелону. Во введеніи суда присяжныхъ Шварцъ склоненъ видѣть подражаніе египетскимъ учрежденіямъ. Въ отличіе отъ другихъ порицателей афинской демократіи онъ не обвиняетъ Перикла въ томъ, что тотъ положилъ начало нравственной порчѣ и паденію демоса, не обвиняетъ по той простой причинѣ, что, съ его точки зрѣнія, и портить было нечего: порча уже существовала и раньше, не лучше было и въ прославленную эпоху Аристиды и Кимона; только фантазеры, *laudatores temporis acti*, могутъ видѣть въ той эпохѣ періодъ процвѣтанія; на самомъ же дѣлѣ тогдашняя жизнь представляетъ не что другое, какъ безсовѣстные клеветы, убійства, хищенія, обманъ, противоестественные пороки, алчность, грабежи и подкупы, никакого идеальнаго полета тутъ не было (см. 4-ю гл. „Die Demokratie des Aristides“). Что касается Перикла, то онъ по отношенію къ демосу вовсе не игралъ той роли, какую приписывалъ ему Фукидидъ: Периклъ былъ величайшій лстецъ и подкупатель, *ein Schmeichler und ein Bestecher im grossartigsten Maasstabe*. Онъ противъ убѣжденія и ради популярности дѣлалъ уступки „тупому, рабскому смыслу суевѣрной, нетерпимой и необразованной массы“. Разбору знаменитой рѣчи Перикла при погребеніи павшихъ въ бою воиновъ Шварцъ посвящаетъ ровно 100 страницъ (164—264). Съ сарказмомъ и ироніей доказываетъ онъ, что тутъ въ характеристикѣ афинской демократіи одиѣ лишь фразы и ложь, что тогдашняя дѣйствительность далеко не соответствовала описанію Перикла, что Перикловъ вѣкъ вовсе не былъ періодомъ процвѣтанія и благоденствія. Своей славой Аѳины того времени обязаны единственно памятникамъ

Общій выводъ Шварца тотъ, что заслуги Аѳинъ ограничиваются областью пластики и драмы, что даже въ такъ наз. „періодъ процвѣтанія“ Аѳины не способствовали развитію талантовъ и наукъ, не знали свободы мысли, не знали истиннаго равенства; ихъ демократія не имѣла того гуманнаго характера, какой ей приписываютъ; чрезъ всю государственную и народную жизнь аѳиняня проходить яркая черта по истинѣ звѣрской жестокости: всюду корыстолюбіе, алчность, подкупность; измѣна отечеству была глубоко вкоренившимся, почти обыденнымъ зломъ въ Аѳинахъ и т. д. Этой демократіи не подобаетъ занимать то мѣсто, которое фантазія цѣлыхъ столѣтій отводила ей въ исторіи человѣчества. Такими словами заключаетъ Шварцъ свой первый томъ. Въ предисловіи ко II тому изложеніе болѣе объективное и тонъ болѣе спокойный.

пластики и архитектуры. Шварцъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нравственное состояніе и умственную жизнь аѳинскаго общества того времени. Онъ указываетъ на гоненія противъ Анаксагора, на преслѣдованія свободы изслѣдованія и съ негодованіемъ говоритъ о псефизмѣ Діонейва, запрещавшей заниматься изученіемъ небесныхъ явленій, и къ этой псефизмѣ онъ возвращается неразъ, при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ. Еще счастье для человѣчества, говоритъ Шварцъ, что кромѣ Аѳинъ существовали другія греческія государства, гдѣ оказывали покровительство тому, что аѳинская демократія попирала ногами. Разобравъ Периклову рѣчь, Шварцъ, для контраста, переходитъ къ описанію бѣдствій первыхъ лѣтъ Пелопоннесской войны, причемъ на поляхъ ставитъ заглавіе: „Конецъ пѣсни!“ („Das Ende des Liedes!“), а въ заключеніе этого описанія, упомянувъ о смерти Перикла, восклицаетъ: „Вотъ исторія того вѣка, который называютъ вѣкомъ Перикла!“ Чтобы дать „истинную“ характеристику аѳинской демократіи того времени, Шварцъ переводитъ цѣликомъ извѣстный Псевдоксенофоновъ памфлетъ объ аѳинской политикѣ: по его мнѣнію, это—„eine einzige athenische Stimme Staatsmännischen Ernstes“, и хотя самъ же говоритъ, что памфлетъ этотъ дышетъ страшною ненавистью къ демократіи, тѣмъ не менѣе онъ ищетъ въ немъ подтвержденія своему приговору о „безнравственномъ и враждебномъ культурѣ организмѣ Аѳинскаго государства и общества“. Демосеень, по Шварцу, чрезвычайно краснорѣчивый эгоистъ, который изъ національнаго настроенія умѣлъ сколотить неслыханный капиталъ; его политика причинила Аѳинамъ только позоръ и бѣдствія; онъ играетъ нечистую роль, клеветаетъ и лжетъ, беретъ деньги за всѣ проводимыя имъ народныя постановленія и законы и т. под.

Не лучше отзывается Шварцъ и объ аѳинскихъ поэтахъ, мыслителяхъ, историкахъ. Такъ, по его словамъ, Софокль получилъ награду за „Триптолема“ главнымъ образомъ потому, что былъ тогда еще юношею и притомъ очень красивымъ; многіе изъ тѣхъ, кто присутствовалъ въ театрѣ, видѣли его еще мальчикомъ, танцующимъ нагимъ во время празднествъ по случаю Саламинской побѣды, а его соперникъ Эсхиль былъ уже тогда загрубѣлымъ воиномъ. Одна строчка Менандра

Таково произведение Шварца. Авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію, но еще бѣльшую страстность въ нападкахъ. Его книга написана съ большимъ пыломъ; она дышетъ ироніей и сарказмомъ, полна парадоксовъ. Въ ней есть, несомнѣнно, отдѣльныя вѣрныя и остроумныя замѣчанія. Но въ общемъ, это, конечно, не „Исторія аѳинской демократіи“; это—страстная рѣчь обвинителя или памфлетъ. Тутъ нѣтъ ни чувства мѣры, ни малѣйшаго чувства справедливости, не говоря уже объ отсутствіи строгой объективности: выставляется — и притомъ безъ разбора, подчасъ въ извращенномъ видѣ и совершенно произвольномъ толкованіи — все, что говоритъ не въ пользу Аѳинъ; тщательно подбираются всѣ факты, лежащіе пятномъ на ихъ исторіи; развѣнчиваются ихъ великіе дѣятели; отбѣиваются однѣ темныя стороны и все прочее игнорируется; мѣркой при опредѣленіи значенія Аѳинъ въ исторіи

больше сдѣлала для будущаго, въ смыслѣ развитія чувства гуманности, нежели всѣ драмы Софокла. Сократъ былъ прежде всего — „ein kluger Lebemensch“. Платонъ былъ гений, но его несчастье въ томъ, что онъ жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ его способности не могли развиваться, а могли быть только подавлены. Въ Аристотелевой „Политикѣ“ Шварцъ видитъ „довольно пустыя разглагольствованія“. Критическому разбору ея и выясненію ея недостатковъ онъ посвятилъ даже особые сочиненія („Die Staatsformenlehre des Aristoteles und die moderne Staatswissenschaft“. Leipz. 1884 и болѣе подробная передѣлка — „Kritik des Staatsformen des Aristoteles“. Eisenach. 1890). Геродоту, говоритъ Шварцъ, вѣрить нельзя: это — подкупленный аѳинянами свидѣтель, и т. д. Но особенно характерны замѣчанія Шварца относительно Фукидида; на нихъ мы уже останавливались раньше (стр. 108); тутъ вполне обнаруживаются его критическіе приемы и манера.

Зато Шварцъ очень сочувствуетъ тираннамъ, напр. Писистрату, и преузнаетъ въ государствѣ и города, гдѣ въ особенномъ блескѣ проявлялась культура чисто вѣнціанская, непотрѣбная роскошь и богатство. Напр., по поводу ссылки Перикла на военныя и денежныя средства аѳинянъ предъ Пелопоннесскою войною Шварцъ иронически замѣчаетъ: „У нихъ было войско малочисленнѣе той свиты, съ которою цари великихъ монархій (Востока) отправлялись на охоту, и едва ли бѣльшая сумма денегъ, чѣмъ сколько стоилъ — не говоря: одинъ пиръ македонскому завоевателю нѣсколько поколѣній спустя, но около того же времени, въ Италіи — одинъ парадный костюмъ Алкисеону“. Но въ особенности Шварцъ стоитъ, повидимому, за правленіе „ученыхъ“ и „философовъ“. Его идеаль — Димитрій Фалерскій, „этотъ сынъ раба, доставившій Аѳинскому государству миръ, благосостояніе, свободу мысли, культурный полетъ, котораго не могли доставить Аѳинамъ ни Периклъ, ни Демосеенъ, ни евпатриды, ни пентаксіомедимны... Этотъ намѣстникъ македонскаго царя, этотъ сынъ раба былъ философъ и государственный гений первой величины“. Шварцъ проводитъ параллель между дѣятельностью Перикла и Димитрія Фалерскаго и второго ставитъ гораздо выше перваго. Своимъ немногимъ излюбленнымъ героямъ, въ томъ числѣ и Димитрію, Шварцъ прощаетъ и безнравственность.

человѣческой культуры служатъ понятія XIX вѣка и т. д. Поэтому книга Шварца интересна только какъ реакція противъ другой—противоположной—крайности, противъ излишняго преклоненія предъ Афинами, въ которомъ повинны многіе филологи и историки, часто ставившіе ихъ дѣятелей на особый пьедесталь, говорившіе о нихъ особымъ восторженнымъ тономъ. Удивительно не столько то, что нашелся авторъ, высказавшій подобный взглядъ, сколько то, что взглядъ этотъ нашелъ себѣ нѣкоторое сочувствіе ¹⁾).

Въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ взглядъ, сходный со взглядомъ Шварца, у А. Н. Гилярова въ его сочиненіи: „Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи“ (М. 1888).

Подобныя увлеченія и крайности гиперкритики въ свою очередь, естественно, должны были вызвать реакцію—въ противоположномъ направленіи—, и вторая половина 80-хъ годовъ XIX в. есть время такой реакціи противъ крайностей и ухищреній критики, время болѣе спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ фактамъ и источникамъ греческой исторіи, возвращенія во многіхъ отношеніяхъ къ прежнимъ взглядамъ.

Подобно срединѣ 50-хъ годовъ, вторая половина 80-хъ и начало 90-хъ годовъ ознаменовались появленіемъ цѣлаго ряда выдающихся общихъ трудовъ по исторіи Греціи: очевидно, являлась потребность подвести итогъ при помощи новаго матеріала.

Въ срединѣ 80-хъ годовъ, почти одновременно, начали выходить двѣ „Исторіи Греціи“—Адольфа Гольма и Георга Бузольта.

Ad. Holm ²⁾ (род. въ 1830 г., ум. въ 1900 г.) прежде всего пріобрѣлъ извѣстность своею „Geschichte Siciliens im Alterthum“, въ 3 т., начатую имъ еще въ то время, когда онъ былъ учителемъ французскаго языка въ гимназій своего роднаго города Любека (I т.—1870 г.), и законченную незадолго до смерти

Вторая
половина
80-хъ гг.

Гольмъ.

¹⁾ Такъ, одинъ изъ рецензентовъ считаетъ точку зрѣнія Шварца несомнѣнно вѣрною и основательною и называетъ его трудъ „грозою, очищающею воздухъ во время лѣтнаго душливаго зноя“, „ein hochbedeutendes, ein reinigendes Gewitter zur Zeit der Sommerschwüle“. (G. J. Schneider, въ „Berl. Phil. Wochenschr.“, 1883, № 52). Не безъ сочувствія относится, повидимому, къ основному взгляду Шварца и А. И. Покровский въ своей статьѣ: „Нов. явл. въ обл. разр. древнегр. ист.“ („Ист. Обзор.“, т. I, стр. 193). Вѣрную оцѣнку труда Шварца далъ Holm въ Rev. histor., 1885, mai—juin.

²⁾ О немъ—некрологъ v. Duhn'a въ Jahresbericht, CXI, 1901.

(III т.—1898) ¹⁾. Трудъ этотъ доставилъ Гольму кафедру въ Палермскомъ университетѣ (во второй половинѣ 70-хъ годовъ), а оттуда онъ потомъ перешелъ въ Неаполь. Въ связи съ „Исторіей Сициліи“ находится совмѣстная работа Holm'a и Cavallari—*Topographia archeologica di Siracusa* (1883).

Занимая кафедру древней исторіи въ Неаполитанскомъ университетѣ, Гольмъ написалъ—на нѣмецкомъ языкѣ—второй свой крупный трудъ—*„Griechische Geschichte“* (Berlin. 1886—94. 4 т.) ²⁾.

Если у Дункера, особенно въ послѣднихъ двухъ томахъ, мы находимъ смѣлыя, но произвольныя гипотезы и комбинаціи, то въ своей „Греческой исторіи“ Гольмъ старался „въ сравнительно небольшихъ рамкахъ, съ одной стороны, изложить только самое важное, а съ другой—ясно отмѣтить, что можетъ считаться достовернымъ и что—гипотеза“, „гдѣ древняя традиція и гдѣ новѣйшая комбинація“.

Гольмъ, слѣдовательно, имѣетъ въ виду довольно широкій кругъ читателей. Его „Греческая исторія“ состоитъ изъ 4 томовъ небольшого формата и доведена до битвы при Акии. Матеріалъ у Гольма очень расчлененъ: каждый томъ раздѣляется на небольшія главы (около 30 въ томѣ), причемъ авторъ старался, чтобы каждая изъ нихъ представляла по возможности нѣчто законченное. Крупныхъ отдѣловъ или подраздѣленій нѣтъ. Это имѣетъ свою дурную сторону: дѣленіе слишкомъ ужъ дробно, утрачивается цѣльность общаго, связь между частями больше механическая, и изложеніе оказывается нѣсколько отрывочнымъ. За каждою главою идутъ примѣчанія, обыкновенно представляющія краткія бібліографическія указанія и ссылки на важнѣйшіе источники и новѣйшіе труды, а нерѣдко—и критическій разборъ источниковъ, опроверженіе мнѣній другихъ ученыхъ, обоснованіе взгляда автора, высказаннаго лишь кратко въ самомъ текстѣ и т. под. Иногда такіа примѣчанія разрастаются въ цѣлые экскурсы.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ неаполитанскаго профессора и автора „Исторіи Сициліи“, Гольмъ въ своей „Греческой исторіи“ обращаетъ большое вниманіе на Сицилію и южную Италію.

¹⁾ Исторія Сициліи здѣсь доведена до арабскаго завоеванія.

²⁾ О ней на русск. яз. есть нѣсколько статей—А. И. Нейфельда (Жур. М. Н. Пр., 1887, апр.), А. И. П—скаго (Покровскаго) (ibid., 1892, іюль), П. Г. Виноградова, Новѣйш. работы по исторіи Греціи (Русск. Мысль, 1893, мартъ).

Но онъ—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой исторіи вообще, и его „Griechische Geschichte“, хотя по своему характеру и назначенію сочиненіе скорѣе популярное, представляетъ однако интересъ и для специалиста. Это не компиляція, а самостоятельный трудъ, основанный на близкомъ изученіи источниковъ и новѣйшей литературы, трудъ, въ которомъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и новый взглядъ, и новое освѣщеніе фактовъ.

Изъ источниковъ Гольмъ придаетъ большое значеніе монетамъ. Для него данныя нумизматики, наряду съ топографіей, одна изъ главныхъ основъ. Обзору монетъ посвящена большая часть его экскурсовъ въ примѣчаніяхъ; изъ данныхъ нумизматики онъ извлекаетъ матеріалъ для исторіи—новые факты. Такъ, напр., онъ говоритъ о заключеніи союза между различными греческими городами послѣ битвы при Книдѣ, союза, о которомъ, по его собственнымъ словамъ, мы узнаемъ только благодаря монетамъ. Пользованіе нумизматикой для обогащенія греческой исторіи, замѣчаетъ онъ, имѣетъ большую привлекательность: эти вещи содержатъ больше исторіи, чѣмъ иное старательное изслѣдованіе источниковъ. И въ своемъ увлеченіи нумизматикой, въ стремленіи извлечь изъ нея данныя для исторіи, Гольмъ идетъ уже слишкомъ далеко. Зато въ отличіе отъ большинства другихъ новѣйшихъ специалистовъ по греческой исторіи, Гольмъ сравнительно мало пользуется данными эпиграфики, имѣющей въ настоящее время такое значеніе.

Но главнымъ источникомъ для Гольма служили все-же произведенія греческихъ историковъ, причемъ на эти произведенія онъ высказывалъ иногда взглядъ, значительно уклонявшійся отъ дотолѣ господствовавшаго въ Германіи направленія. Гольмъ съ полнымъ основаніемъ вооружался противъ этого направленія. Онъ полагалъ, что „изслѣдователи въ области критики слишкомъ изолируютъ себя другъ отъ друга и вслѣдствіе этого болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, теряютъ изъ виду цѣлое“. „Мы занимаемся“,—говорилъ Гольмъ,—„критикою источниковъ, но мы отъ этого мало получаемъ плодовъ; мы ссылаемся на основныя правила историческаго метода, но мы несогласны въ ихъ примѣненіи... Мы... анализируемъ писателей, но въ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы на основаніи этого составить повѣствованіе, а чтобы построить идеальнаго Эфора или Теопомпа, который скоро и исчезаетъ, такъ какъ, благодаря каждой новой диссертациі, онъ получаетъ новый видъ“. Изслѣдованіе источниковъ, по мнѣнію Голь-

ма, должно исходить не изъ реконструкціи утраченныхъ авторовъ, а изъ изученія особенностей тѣхъ, которые на лицо.

Гольмъ возсталъ противъ мнѣнія, еще недавно очень распространеннаго, будто Плутархъ рабски списывалъ свои источники и будто мы можемъ почти дословно выдѣлить тѣ источники, коими онъ пользовался. Онъ даже Діодора ставитъ сравнительно высоко: по его мнѣнію, Діодоръ не только прагматикъ, но и художникъ; матеріалъ его нерѣдко плохъ; но значеніе Діодора заключается въ томъ, что онъ унисерсальный историкъ.

Но съ особенною симпатіей (которую едва ли однако можно вполне раздѣлять) относится Гольмъ къ Ксенофону, какъ историческому свидѣтелю. Подобно Брейтенбаху (въ его введеніи къ изданію *Ἑλληνικά* Ксенофонта) и Э. Р. ф.-Штерну (въ его извѣстной монографіи *Geschichte der spartan. und theban. Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea*. Dorp. 1884), онъ не считаетъ его пристрастнымъ. Это, по его словамъ, чистосердечный, симпатичный писатель, который, какъ истинный ученикъ Сократа, свободенъ отъ всякихъ фразъ, и его порицатели сами признаютъ его превосходчья качества тѣмъ, что подробно воспроизводятъ его лучшіе рассказы.

Что касается Фукидида, противъ котораго Мюллеръ-Штрюбингъ выступилъ съ такими нападками, то Гольмъ полагалъ, что въ общемъ старое воззрѣніе не поколеблено, именно, что Фукидидъ — правдолюбивый писатель. Пытались уличить его въ грубыхъ неточностяхъ, но это не удалось, и Гольмъ, между прочимъ, какъ мы видѣли (стр. 116), говоритъ, что прослѣдилъ топографически извѣстія большей части VI и VII книгъ и нашелъ, что чѣмъ точнѣе взвѣшиваешь слова Фукидида и чѣмъ точнѣе изучаешь мѣстность, тѣмъ яснѣе дѣлаются текстъ и событія. Онъ находитъ у Фукидида только нѣкоторую ограниченность горизонта: Фукидиду недостаетъ универсальнаго, обнимающаго время и страны, взгляда Геродота. Геродотово произведеніе въ глазахъ Гольма — одно изъ совершеннѣйшихъ художественныхъ созданій въ своемъ родѣ по плану и выполненію, по мысли и стилю. Геродотъ безпристрастенъ, чѣмъ иногда принимаютъ.

Гольмъ не идеализируетъ грековъ, не преклоняется слѣпо передъ ними, какъ дѣлаютъ нерѣдко другіе историки. Онъ не смотритъ на грековъ какъ на народъ, который во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ жизни каждый разъ находилъ самое лучшее, а видитъ въ нихъ лишь „die vorzugsweise Suchenden unter den Na-

tionen". Такими греки были, по его словамъ, и въ своей политической жизни, и съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ ихъ дѣятельность: величайшіе государственные люди Аѣинъ, говоритъ Гольмъ, не всегда въ каждомъ данномъ случаѣ находили самое вѣрное.

На Аристидѣ Гольмъ еще въ 1889 г. (во II т.) высказалъ взглядъ, который совершенно отличался отъ общепринятаго до толѣ и который нашелъ себѣ опору въ открытой Аристотелевой Политиі: по Гольму, мнѣніе, будто Ѳемистоклъ — демократъ, а Аристидъ, напротивъ, аристократъ, неосновательно и есть не что иное, какъ вымыселъ: на самомъ дѣлѣ Аристидъ — демократъ, завершитель начатой Клизеномъ демократизаціи Аѣинъ.

Не скрывая нѣкоторыхъ неудачъ Перикла, не находя въ немъ особыхъ дарованій полководца, Гольмъ однако высказывается противъ чисто субъективныхъ приѣмовъ Дункера и отдаетъ Периклу должное. Клеона онъ находитъ правымъ въ дѣлѣ переговоровъ со спартамцами о мирѣ во время осады Сфактеріи и думаетъ, что подъ виѣшнюю грубость въ немъ скрывалась большая политическая хитрость. Гипербола и Евбула онъ беретъ подъ свою защиту.

Только говоря о Демосѣенѣ, Гольмъ мѣняетъ обычный объективный и спокойный тонъ. Онъ относится къ великому оратору съ явнымъ несочувствіемъ и даже ироніей. Если въ остальныхъ отдѣлахъ своей „Греческой исторіи“ Гольмъ чуждъ той гиперкритики, которую мы замѣчаемъ у Дункера и которой онъ самъ не одобряетъ, то здѣсь его сужденія и самый тонъ напоминаютъ отношеніе Дункера и другихъ новѣйшихъ порицателей къ Периклу.

Зато Филиппа Гольмъ старается защитить и облѣпить. Въ его глазахъ Филиппъ не только гениальный политикъ и первостепенный полководецъ, но и съ нравственной точки зрѣнія вовсе не заслуживаетъ обычныхъ порицаній, особенно если его сравнить съ его аѣинскими противниками. На Александра Македонскаго Гольмъ смотритъ приблизительно такъ, какъ и Дройзенъ. — Но оправдывая Филиппа и осуждая Демосѣена, Гольмъ однако полагаетъ, что Дройзенъ заходилъ слишкомъ далеко, когда считалъ побѣду Македоніи соответствующею интересамъ самой Греціи, которая разлагалась „in der Verkrüppelung des Kleinlebens“; по мнѣнію Гольма, въ этомъ отношеніи македонское владычество ничего не улучшило: спасеніе заключалось въ чистосердечномъ и добровольномъ союзѣ съ Македоніей, въ духѣ Исократѣ.

Вообще аѣинской демократіи Гольмъ не унижаетъ и не относится къ ней такъ враждебно, какъ, напр., Юліусъ Шварцъ.

Онъ считаетъ невѣрнымъ утверждѣніе одного изъ новѣйшихъ историковъ Греціи (Белоха), будто духовный уровень аѳинянъ соответствуетъ въ среднемъ уровню современныхъ рабочихъ классовъ; по мнѣнію Гольма, аѳинскій гражданинъ въ умственномъ отношеніи стоялъ выше жителя нынѣшнихъ большихъ городовъ, и въ отношеніи образованія между богатыми и бѣдными въ Аѳинахъ не было большого различія. Въ противоположность Курціусу, съ которымъ онъ вообще довольно часто полемизируетъ то открыто, то косвенно, Гольмъ доказываетъ, что никакой особенной роскоши въ Аѳинахъ IV в. не было, а что, напротивъ, въ тогдашней жизни господствовала сравнительная простота. Деморализація аѳинянъ IV в. тоже, по его мнѣнію, мнимая. Демократія въ Аѳинахъ не была элементомъ разложенія, а напротивъ—факторомъ нравственнаго спасенія города. Нравственный упадокъ обнаруживался больше въ поведеніи отдѣльных народныхъ вождей, чѣмъ въ поведеніи народа, какъ цѣлаго. Причины паденія независимости Греціи лежатъ не въ нравственномъ вырожденіи народа, а въ природномъ его характерѣ, — въ стремленіи отдѣльных общинъ къ изолированію и затѣмъ въ неимѣніи въ рѣшительный моментъ хорошаго полководца. А если пораженія нельзя было потомъ заглаживать, то тутъ причина заключается еще въ другомъ: македоняне явились представителями великаго принципа—національности. Надеждой на триумфъ греческаго имени въ Азіи они увлекли за собою почти всѣ болѣе дѣятельныя личности греческихъ республикъ и послѣднія не имѣли больше силъ свергнуть совершенно македонское иго. Пренебреженіе національнымъ чувствомъ лишило ихъ мірового положенія.

Нужно замѣтить, что ни одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи не доводилъ такъ далеко своего изложенія, какъ Гольмъ ¹⁾: онъ доводитъ его почти до нашей эры; цѣлый томъ (IV) посвященъ времени отъ смерти Александра до битвы при Акціи, причемъ еще имѣется глава и о „политическихъ отношеніяхъ грековъ при первыхъ императорахъ“.

Въ исторіи Греціи Гольмъ былъ скорѣе самоучкой и среди нѣмцевъ стоитъ какъ-бы особнякомъ ²⁾. Онъ не примыкаетъ къ

¹⁾ Если не считать втораго изданія „Очерка“ Пельмана, о которомъ—ниже и которое вышло позже „Греч. исторіи“ Гольма.

²⁾ Чтò имѣло и свою хорошую сторону: Гольмъ отнесся ко многимъ вопросамъ, напр. къ источникамъ, безъ предвзятой идеи. См. ст. v. Duhn'a, стр. 91.